

Если бы кто-то спросил Ли Сычэня, кому он благодарен больше всего, тот без раздумий назвал бы тётушку Чжан — ведь без неё он бы просто не выжил. Вторым в его списке шёл Ли Гоудань: пусть тот и исчез, не попрощавшись, но именно эта встреча открыла перед Сычэнем новые двери. Третьей же была Мишель — женщина, подарившая его будущему бесконечное множество возможностей.

В Китае Сычэнь никогда не ходил в школу, и здесь, в Америке, Мишель не спешила отдавать его в общеобразовательное заведение. Она наняла репетиторов, которые обучали мальчика наукам, а сама взяла на себя самое важное — уроки человечности и жизненной мудрости.

— Карлос, спускайся скорее! Пошли гулять! — донёлся с улицы звонкий детский голос.

Сычэнь поднял взгляд на Мишель:

— Мама?

Прошёл уже год, как он поселился в этом доме, но Сычэнь по-прежнему считал своим долгом спрашивать разрешения на каждый шаг. Это было данью уважения к женщине, заменившей ему семью, хотя сама Мишель частенько посмеивалась, говоря, что при такой серьёзности он совсем не похож на ребёнка.

За этот год мальчик не только освоил программу начальной школы, но и в совершенстве овладел языком. Получая полноценное питание, он заметно вытянулся и теперь выглядел как обычный тринадцатилетний подросток — разве что чуть более худощавый и хрупкий на вид. Полгода назад они с Мишель сменили жильё, и именно на новом месте Сычэнь обрёл своего первого настоящего друга.

Мишель, видя просящий блеск в глазах сына, мягко улыбнулась. Она умела быть замечательной матерью.

— Иди, конечно.

— Спасибо, мама!

Сычэнь чинно направился к двери, но едва переступил порог, как сорвался на бег и вихрем помчался вниз по лестнице. Глядя ему вслед, Мишель не сдержала смешка.

— Карлос, осторожнее! Не расшибись! — крикнула она вдогонку.

— Хорошо, мам! — донеслось уже откуда-то снизу.

Во дворе его ждал приятель — вихрастый мальчишка с сухими, словно выгоревшими на солнце

светлыми волосами.

— Карлос...

— Тсс, — Сычэнь прижал палец к губам. — Тише, Дерик. Моя мать очень проницательна, она не должна догадаться, куда мы намылились.

— Понял, — Дерик тут же прикрыл рот ладонью и зашептал: — Тогда шевелись, а то не успеем.

Сычэнь решительно кивнул. Он выкатил из гаража велосипед и мельком глянул на часы.

— Погнали, у нас всего двадцать минут.

Мальчишки вскочили в сёдла и рванули с места. Они крутили педали изо всех сил, не тратя дыхание на пустую болтовню.

С Дериком они познакомились полгода назад. Сычэнь тогда наткнулся на него во время прогулки: кучка задира окружила мальчишку и всю над ним потешалась. Видя, как Дерик забился в угол, Сычэнь вспомнил собственное детство. Не раздумывая, он применил технику самообороны, которой его обучила Мишель, и разогнал обидчиков. С того дня они стали не разлей вода.

Семья Дерика жила бедно: отец тяжело болел, младшие брат с сестрой требовали заботы, и единственным кормильцем была мать. Дерик порывался бросить школу, чтобы пойти работать, но мать стояла на своём — дети должны учиться. Чтобы хоть как-то помочь семье, мальчик нашёл подработку.

Узнав, что за это платят деньги, Сычэнь тоже загорелся идеей. И вот уже пять месяцев Дерик заезжал за ним после школы, и они вместе отправлялись на «работу». Сычэнь успел скопить больше тысячи долларов — сумма не бог весть какая, но для того, кто раньше и цента сам не заработал, это было целое состояние.

Через четверть часа они добрались до цели — огромной американской киностудии. Здесь вечно сновали съёмочные группы, кипела жизнь. Сычэнь и Дерик обычно работали массовкой: играли беспризорников, уличных нищих или просто прохожих в толпе.

В этой индустрии всегда не хватало детей-статистов, поэтому двум смышлёным ребятам здесь были рады. За полгода они успели примелькаться: их физиономии можно было найти едва ли не в каждом фильме или сериале, снимавшемся на этой киностудии. Режиссёры, когда им требовались дети на эпизодические роли, первым делом вспоминали об этой парочке.

— Карлос, Дерик! Наконец-то! Живее сюда, у меня есть для вас пара ролей, — окликнул их один из ассистентов.

— Идём! — мальчишки побросали велосипеды и привычно направились к костюмерам.

Они переоделись в лохмотья и уверенно встали перед камерой. Частые съёмки приучили их не бояться объективов и вести себя естественно.

— Слушай задачу, Карлос. Сегодня ты маленький нищий, которого подкупили нехорошие люди. У тебя три сцены: сначала с братом, потом момент подкупа, и финал — ты цепляешься за богатого господина, а тот забивает тебя до смерти. Дерик, ты играешь его больного брата, у тебя только первая сцена. Вопросы есть?

— Нет, всё ясно.

В массовке роли распределялись по воле случая: сегодня больше экранного времени у Сычэня, завтра — у Дерика. Сычэнь помнил свой первый опыт, когда он, не зная, что делать, завалил дубль, и его просто выставили вон. Никто не собирался нянчиться с бессловесным статистом. Но с тех пор он многому научился.

Эпизодникам не давали сценариев. Приходилось полагаться лишь на краткие пояснения режиссёра и собственное воображение. Сычэнь сжал кулаки. Неважно, что это лишь эпизод — он должен выложиться на полную.

Их привели в тесную, мрачную хижину. Дерика уложили на кровать, густо измазав лицо сажей и гримом, чтобы он выглядел измождённым и больным. Когда мальчик открыл глаза, они лихорадочно блеснули ярко-зелёным в полумраке.

Сычэнь невольно улыбнулся. У него самого глаза тоже были зелёными — точнее, казались такими из-за цветных линз. Он быстро усвоил, что в этой среде азиатская внешность не пользуется спросом, и приспособился к обстоятельствам. Похоже, жизнь в Америке научила его не только языку, но и житейской хитрости.

Сычэнь замер на месте. Прошло несколько минут, но режиссёр Бенсон молчал, не давая команд. Мальчик покосился на камеру. Неужели реплик не будет вовсе? Играть в тишине всегда было сложнее всего.

— Начали, — буркнул Бенсон, хмуро откинувшись в кресле и глядя в монитор.

К ним явно относились без особого интереса. Сычэнь окинул взглядом комнату: вокруг было расставлено несколько камер. Некоторые режиссёры любили снимать с разных ракурсов, чтобы потом на монтаже вытянуть хоть что-то путное из посредственной игры.

Мальчик опустил голову, полностью погружаясь в образ. Его брат умирает, а у них ни цента на лекарства... В такие моменты он с благодарностью вспоминал Ли Гоуданя. Если бы тот когда-то не научил его мастерски притворяться, Сычэнь вряд ли смог бы так быстро освоить актёрское

ремесло.

Внезапно Сычэнь выпрямился. В кадре он замер перед больным братом, и его неподвижная фигура красноречивее любых слов передавала гамму чувств: отчаяние, бессилие, глухую обиду на несправедливость мира.

Минуты текли одна за другой, но команды «Снято!» всё не было. Сычэнь осторожно поднял взгляд на Дерика, стараясь, чтобы в объектив попадал только его профиль. Тот лежал, изображая мучительную агонию.

Бенсон, заворожённый тем, как мальчик просто стоит в кадре, на мгновение отвлёкся, обсуждая что-то с ассистентом, и забыл про команду. И тут в тишине студии раздался глухой удар. Режиссёр вскинулся и увидел на мониторе, как Сычэнь рухнул на колени перед кроватью.

Картинка мгновенно ожила. Дерик, словно почувствовав немой крик брата, рванулся в сторону, его лицо оказалось прямо перед камерой — в глазах стояли слёзы, губы дрожали, он пытался произнести несказанное.

— Быстро! Крупный план на руки того пацана, что на коленях! — прошипел Бенсон.

Оператор плавно наехал камерой. На костлявую руку Сычэня, упёртую в грязный пол, упала тяжёлая капля. Тишину прорезал едва слышный всхлип, и слеза расплылась по коже. В этот же миг в углу кадра за окном хижины хлынул настоящий ливень.

Сцена стала пронзительной. Старший брат, сгорающий от горя, больной ребёнок, оплакивающий их общую судьбу, и этот вовремя начавшийся дождь... То ли они действительно плакали, то ли это крыша дырявой лачуги протекала под натиском стихии — было уже неважно. Это была жизнь.

— Снято! Превосходно, чёрт возьми! — Бенсон первым вскочил с кресла, аплодируя. Он ожидал от статистов лишь отсутствия грубых ошибок, но результат превзошёл все ожидания. Даже природа подыграла таланту.

Сычэнь слабо улыбнулся. Он с трудом поднялся, растирая ушибленные колени — падение на жёсткий пол было отнюдь не постановочным.

Дерик тут же спрыгнул с кровати и подбежал к другу:

— Карлос, ты как? Живой?

Он и сам был под впечатлением. Весь этот эпизод сложился из множества случайностей: невнимательности режиссёра, внезапного дождя и того самого сокрушительного падения

Сычэня на колени, которое выбило из Дерика настоящие слёзы. В тот момент магия кино родилась из чистой искренности.

<http://bllate.org/book/17536/1700955>